

Елоша Расс
**«Родовое
проклятие: всех
любовников — в
лягушек!»**

18+

Елена Расс

«Родовое проклятие: всех любовников — в лягушек!»

<https://litres.ru/73998863>

SelfPub; 2026

Аннотация

Меня зовут Авдотья Кукушкина, и я потомственная ведьма-неудачница. Моя лавка «Магия и шарлатанство» приносит одни убытки, хорёк Грымза ворует улики, а личная жизнь стремится к абсолютному нулю. Почему? Всё просто: стоит мне искренне поцеловать мужчину — и он превращается в лягушку. Родовое проклятие, ничего не поделать.

Но однажды моих бывших начинают убивать. Первый найден в виде статуи из лягушачьей икры, второй — утопленным в кувшинке. В списке подозреваемых — я. Вдобавок появляется сосед-некромант Силантий (красив, мрачен, ездит на катафалке), на котором висит встречное проклятие: «Кто полюбит Мёртвого — умрёт».

Идеальная пара, не правда ли?

Теперь мне предстоит расследование с погонями на метле, битвой в подвале с пенсионеркой в бигудях и поцелуем, который может превратить некроманта в жабу. С иронией, абсурдом и хорьком, который знает больше, чем говорит.

Добро пожаловать в мир, где любовь пахнет тинной, а скелеты пекут печенье с предсказаниями.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Елена Расс

«Родовое проклятие: всех любовников — в лягушек!»

Глава

Общая концепция

Главная героиня: Авдотья (Дуня) Кукушкина — потомственная ведьма-неудачница, владелица лавки «Магия и шарлатанство». У неё вместо чёрного кота — капризный хорёк Грымза. Проклятие: всех, кто её поцелует, превращает в лягушку на 48 часов. Но Дуня мечтает о любви.

Завязка: В городе происходит серия убийств. Жертвы — бывшие парни Дуни, которые уже побывали лягушками. Кто-то их добивает. Главный подозреваемый — её новый сосед, красавчик-некромант Силантий Мёртвый, у которого алиби только в виде скелета-дворецкого.

ЧАСТЬ 1. ЦЕЛУЙ И ПЛАЧЬ

Глава 1. «Клуб бывших лягушатников»

Просыпаться от того, что тебя душат семейным амулетом, — это даже для меня перебор.

— Грымза, убери лапы! — прохрипела я, пытаюсь отцепить от шеи мерзкую железку в виде лягушки, которую моя прабабка носила как брошь. — Это не съедобно!

Хорёк посмотрел на меня своими бусинками-глазами с таким выражением, будто я только что отменила Новый год и Рождество вместе взятые. Фыркнул, спрыгнул с подушки и демонстративно уселся на мой бюстгальтер, который валялся на полу. Грымза вообще обожал заниматься вещами. Особенно моими. Особенно когда я опаздывала.

Я села на кровати и попыталась вспомнить, что случилось вчера.

Суббота. Лавка «Магия и шарлатанство» работала до восьми. Приходил курьер с заказом для тётки Глаши — три банки сушёных светлячков и руководство «Как приворожить соседа без последствий для его рассудка». Курьер был симпатичный. Очень. Глаза голубые, кудряшки, и улыбка такая, что хотелось немедленно предложить ему чай, плюшки и руку и сердце.

Я предложила чай.

Он согласился.

Мы пили чай с мятой. Потом он сказал, что у него дома кот, который умеет открывать дверь. Я засмеялась. Он сказал, что я смеюсь как колокольчик. Я покраснела. Он наклонился.

А дальше — провал. То есть буквально темнота в памяти. И почему-то запах тины.

Я посмотрела на свои руки. В порядке. Посмотрела в зеркало. Лягушкой не выгляжу. Уже хорошо.

— Грымза, — позвала я осторожно. — Курьер вчера как уходил?

Хорёк сделал вид, что не слышит. Он делал так всегда, когда я совершала что-то идиотское. А поскольку я совершала идиотское примерно три раза в день, Грымза почти постоянно был в режиме «я тебя не знаю».

Я натянула халат (с изображением котелка и надписью «Магия — это просто!»), сунула ноги в тапки-зайцы и пошла на кухню. Кофе — первое дело. Кофе — это святое. Кофе

не превращается в лягушек.

На столе лежала записка. Круглым детским почерком:

«Простите, я больше не буду к вам приезжать. У меня завтра свидание, и я надеюсь, что до среды отойду. С уважением, курьер Саша».

Я медленно опустилась на стул.

— Грымза, — сказала я очень спокойным голосом. — Он что, квакнул?

Хорёк вздохнул. Так вздыхают только те, кто уже всё видел и ничего хорошего не ждёт.

Я закрыла лицо руками.

Меня зовут Авдотья Кукушкина. Для друзей — Дуня. Для клиентов — «мадам Ку-ку» (это они за глаза, но я слышу). Я ведьма в пятом поколении. У меня своя лавка на улице Тупиковой, дом 13, прямо напротив похоронного бюро «Ангел с кувалдой». Я умею делать зелья от головной боли, чистить ауру пылесосом и разговаривать с домовыми.

Ещё я умею превращать мужчин в лягушек.

Нет, это не профессиональный навык. Это проклятие. Родовое. На всю женскую линию. Моя мать превратила в лягушку отчима — он две недели плавал в аквариуме. Моя бабушка — деда, и тот так обиделся, что женился на соседке. А прабабка, та самая, с брошью, вообще ухитрилась за один вечер превратить сразу трёх кавалеров. Говорят, была очень темпераментная.

Проклятие срабатывает только на поцелуй. Если я целую мужчину в губы — искренне, со всей душой, с бабочками в животе — он превращается в лягушку ровно на 48 часов. Потом возвращается обратно. Живой, здоровый, но с психологической травмой и нежеланием иметь со мной дело.

Поэтому мне тридцать два, я ни разу не была замужем, мои отношения длятся в среднем полтора поцелуя, и в моём телефоне записано пять контактов с пометкой «бывший-лягушка-1» и так далее.

Кстати, номер курьера Саши я даже не успела взять. Наверное, к лучшему.

Я сварила кофе, налила его в кружку с надписью «Лягушкам вход воспрещён» (подарок подруги, она не злая, просто с чувством юмора), и только собралась сделать первый глоток, как в дверь позвонили.

Звонок был мерзкий. Не музыкальный. Не «динь-динь». А такой, будто кто-то нажал кнопку и держит специально, чтобы довести до нервного срыва.

— Грымза, открой, — сказала я. Хорёк фыркнул и ушёл в спальню. Трус.

Я пошла открывать сама.

На пороге стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, в длинном чёрном плаще, из-под которого виднелась форменная рубашка магического розыска. Лицо — как вырезанное из камня: скулы, острый нос, тёмные глаза, в которых читалась глубокая усталость человека, который видел слишком много трупов и слишком мало хорошего кофе.

— Авдотья Кукушкина? — спросил он голосом, от которого у меня зачесались зубы. (Проклятие, кстати, не только на лягушек превращает, но и на звуки странно реагирует.)

— Допустим, — ответила я, скрещивая руки на груди. — А вы кто и по какому праву?

Он достал удостоверение. Красная корка, серебряный знак — череп в венке из папоротника. Магический розыск.

Отдел особо жабких преступлений.

— Инспектор Борислав Суровый, — представился он. — Вам придётся пройти со мной.

— Для чего?

— Для опознания.

У меня ёкнуло сердце.

— Кого?

Он посмотрел на меня долгим взглядом. Вздохнул. И сказал:

— Константина Воробейчика. Вашего бывшего молодого человека. Он мёртв.

Кружка с лягушками выпала у меня из рук и разбилась.

Грымза из спальни не вышел. Умная зверюга.

Глава 2. «Моя вина — моя беда»

В отделении магического розыска пахло нафталином,

страхом и пережаренными котлетами. Я сидела на пластиковом стуле, который явно помнил ещё Советский Союз, и смотрела на свои коленки.

Инспектор Суровый — товарищ, видимо, любящий театральные паузы — наливал себе чай из зелёного заварника в виде жабы и делал вид, что меня не замечает. Я решила нарушить молчание первой.

— Слушайте, Борислав... можно просто Боря?

— Нельзя, — отрезал он, не оборачиваясь.

— Хорошо, Борислав Суровый, похожий на Сурового Борислава. Что случилось с Костиком?

Он наконец повернулся. Глаза — как два уголька. Чайник с жабой он поставил на стол с таким видом, будто это был веский аргумент в суде.

— Константин Воробейчик обнаружен сегодня утром в городском парке. В пруду.

— Утонул? — ужаснулась я.

— Хуже, — сказал Суровый. — Превращён в статую. Из

лягушачьей икры.

Я тупо уставилась на него.

— Простите, из чего?

— Из икры. Лягушачьей. Мелкозернистой. Первого сорта. Экспертиза уже подтвердила. — Он снял пенку с чая, отхлебнул и поморщился. — Ваш бывший, Авдотья, теперь экспонат. Точнее, его тело. Голова осталась человеческой. Всё остальное — амфибийно-белковая масса.

У меня закружилась голова.

— Это не я, — сказала я быстро. — Я не умею делать такое. Моё проклятие — просто превращение. 48 часов. Без жертв. Без... икры!

— Знаю, — кивнул Суровый. — Изучал ваше дело. Вы — единственная ведьма в городе, у кого проклятие превращения зарегистрировано официально. С патентом и лицензией.

— Ну вот видите!

— Поэтому вы не под подозрением. Вы — свидетель.

Он сел напротив, сложил руки на столе. На пальце сверкнул перстень — череп с рубиновыми глазами. Неприятная вещица.

— Константин — первый, — сказал он тихо. — Сегодня ночью найдён второй.

Моё сердце пропустило удар.

— Кто?

— Олег Забалуев. Тоже ваш бывший. Ботаник.

— Олежка? — я почувствовала, как к горлу подступает комок. — Он же такой хороший был! Мы с ним просто три раза ходили в кино, а после поцелуя он плавал в аквариуме и читал мне лекции про размножение рыбки!

— Олега утопили в кувшинке, — бесстрастно продолжил Суровый. — Буквально. В огромном кувшинке. В оранжерее ботанического сада. Цветок распустился, внутри лежал труп. С лягушачьими лапками вместо рук.

Я закрыла лицо руками.

— Это не моё проклятие! — выкрикнула я из-под ладо-

ней. — Моё проклятие — доброе! Оно всех возвращает обратно! Да, они обижаются, да, не звонят, но они живы! Они прыгают, потом возвращаются и пишут гневные отзывы на моём сайте!

Суровый молча достал планшет, что-то нажал и развернул ко мне экран.

— Узнаёте?

На экране был список. Пять имён.

1. Константин Воробейчик («Костик-фейерверкер») — мёртв.
2. Олег Забалуев (ботаник) — мёртв.
3. Дмитрий Роллер (скейтер) — жив? неизвестно.
4. Аркадий Фокусников (иллюзионист) — жив? неизвестно.
5. Имя неразборчиво — последняя запись была перечёркнута чёрным маркером.

Я подняла глаза на инспектора.

— Это что?

— Список ваших любовников. Всех, кого вы превратили.

Найден у первого трупа в кармане. — Суровый сделал ещё глоток чая. — Кто-то охотится на них, Авдотья. И, судя по почерку, хочет, чтобы вина пала на вас.

— На меня? — я вскочила со стула. — Но я ничего не делала! Я просто неудачница с хорьком и лавкой!

— Садитесь, — сказал Суровый тоном, не терпящим возражений. Я села. — У вас есть алиби на вчерашний вечер?

— Я была дома! С курьером! Он был у меня!

— Имя?

— Саша... Не помню фамилию.

— Телефон?

— Я... не успела спросить.

Суровый посмотрел на меня с жалостью, смешанной с профессиональным отвращением.

— Авдотья Кукушкина, вы — главная подозреваемая по двум статьям. — Он загибал пальцы. — Превращение человека без согласия. Нанесение магического вреда, повлѣкше-

го смерть. А также отсутствие должной маркировки на зельях в вашей лавке.

— Последнее — вообще ни при чём! — возмутилась я.
— У меня просто наклейки кончились!

В дверь постучали. Вошёл молодой полицейский в форме, с лицом, которое явно видело сегодня слишком много икры.

— Инспектор, соседка Кукушкиной доставлена.

— Давай, — кивнул Суровый.

В кабинет вплыла (иначе не скажешь) тётя Глаша. Моя соседка, бывшая гадалка, а ныне — пенсионерка с коллекцией амулетов и привычкой совать нос не в свои дела. Она была в халате с единорогами и бигудях.

— Дунечка! — запричитала она, бросаясь ко мне с объяснениями. — Я так испугалась! Соседка снизу сказала, что тебя забрали! Я сразу подумала — опять кого-то зацеловала до смерти!

— Никого я не зацеловывала, тётя Глаш, — пробурчала я, отстраняясь. — Вы зачем здесь?

— Как это зачем? Алиби давать! — гордо заявила она и повернулась к Суровому. — Молодой человек, вчера вечером Дуня была дома. Я слышала, как она пила чай с каким-то мужчиной. А потом этот мужчина громко сказал: «Я превращаюсь! Я превращаюсь!» — и что-то громко шлёпнуло. Я подумала — мокрое.

Суровый медленно перевёл взгляд на меня.

— Это было превращение в лягушку, — призналась я, краснея. — Курьер прыгнул в пруд.

— Какой пруд? — спросил Суровый.

— У меня на балконе. Декоративный. Я развожу ряску для зелий.

Наступила такая тишина, что было слышно, как в соседнем кабинете кто-то говорит арестованному: «Колдунство с отягчающими — это вам не хухры-мухры».

— Ясно, — сказал наконец Суровый. — Алиби у вас есть. Формально. — Он встал, одёрнул плащ. — Но вы остаётесь под наблюдением. Не покидайте город. И не целуйте никого.

— Я и не собиралась! — обиделась я.

Тётя Глаша похлопала меня по плечу.

— Дочка, а может, тебе просто в монастырь? Там мужиков нет. И целовать некого.

Я закатила глаза.

— Теть Глаш, в монастыре хорьков не любят.

Грымза, который каким-то чудом просочился в отделение (наверное, через форточку) и всё это время сидел под столом, выразительно мяукнул (хорьки не мяукают, но Грымза мог). Он был полностью на моей стороне.

Выходя из отделения, я столкнулась с кем-то на лестнице. Кто-то нёс мусор. В прямом смысле — большое чёрное ведро, полное окурков, огрызков и одного скелета. Скелет был одет в бабочку и держал в зубах веник.

Я подняла глаза.

Передо мной стоял мужчина. Высокий, бледный, с длинными чёрными волосами, собранными в низкий хвост. Одет в мантию с черепами. Глаза — чёрные-чёрные, с серебряными искрами, как будто кто-то насыпал в чернила звёздную

ПЫЛЬ.

Он посмотрел на меня.

Я посмотрела на него.

— Вы — новенькая смерть? — спросила я первой, потому что пауза затягивалась, а стоять с открытым ртом перед незнакомцем с ведром, полным скелета, было неловко.

Он улыбнулся. Только губами. Глаза остались серьёзными.

— Нет, — ответил он. Голос — как бархат, натянутый на гробовую крышку. — Я — владелец похоронного бюро «Ангел с кувалдой». Живу напротив вас. А вы почему похожи на женщину, которую только что допрашивали за убийство?

Я выпрямилась, поправила халат (да-да, я так и была в халате, потому что меня увезли из дома без предупреждения) и гордо сказала:

— Потому что меня только что допрашивали за убийство. А вы почему похожи на гота-пенсионера, который вышел за хлебом и прихватил с собой скелета?

Мужчина хмыкнул.

— Федя не скелет. Федя — дворецкий. Федя, поздоровайся.

Скелет в ведре закивал черепом и выплюнул веник.

Я медленно закрыла глаза. Когда я их открыла, ничего не изменилось. Хорёк Грымза уже сидел на плече у мужчины и обнюхивал его мантию с таким видом, будто примерялся — кусать или не кусать.

— Меня зовут Силантий, — представился он. — Для краткости — Сила. А вас?

— Авдотья. Но все зовут Дуня. Или «ведьма Кукушкина». Или «та самая, которая в лягушек».

— О, — сказал Силантий, и его бровь поползла вверх. — Я слышал о вас. Соседка снизу жаловалась, что у вас по ночам квакают.

— Это не квакают. Это Грымза спит с открытым ртом.

Силантий поставил ведро на пол. Скелет Федя поднял руку и помахал мне костяшками пальцев.

— Авдотья, — сказал Силантий серьёзно. — У меня к вам деловое предложение. Я некромант. На мне тоже проклятие. Семейное.

— Какое? — спросила я, уже понимая, что сейчас начнётся что-то совершенно дурацкое.

— «Кто полюбит Мёртвого — умрёт», — спокойно ответил он. — Буквально. Трупы не встают. Даже я не могу их поднять. Некромагия бессильна.

Я посмотрела на него. Потом на хорька. Потом на скелета в ведре.

И расхохоталась так, что эхо разнеслось по всему отделению магического розыска.

— Идеальная пара! — выкрикнула я, вытирая слёзы. — У меня — в лягушек, у тебя — в гроб! Да нас прокляли, чтобы мы встретились и никого больше не мучили!

Силантий улыбнулся. На этот раз — по-настоящему. Серебро в глазах засияло ярче.

— Об этом я и хотел поговорить, — сказал он. — Прихо-

дите на чай сегодня вечером. Федя испечёт печенье с предсказаниями.

— Предсказания — это какие? — спросила я подозрительно.

— «Кого вы сегодня превратите» обычно.

— Идёт, — сказала я, не веря себе. — Но если Федя начнёт кокетничать с Грымзой — я ухожу.

Мы разошлись в разные стороны. Я — домой, отмывать халат и переживать за Костика и Олега. Он — в своё бюро, хоронить (или не хоронить? с этими некромантами никогда не поймёшь).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.